

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №4, Том 10 / 2019, No 4, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/34FLSK419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Соколова М.Г. Образный параллелизм как способ репрезентации символических значений дендронимов тополь и клён в языке русской поэзии XIX–XX веков // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/34FLSK419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Sokolova M.G. (2019). Figurative parallelism as a way of representing symbolic meanings of dendronims poplar and maple in the language of Russian poetry of the XIX–XX centuries. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/34FLSK419.pdf> (in Russian)

УДК 81'373.221:801.631.5

ГРНТИ 16.21

Соколова Марина Геннадьевна

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», Тольятти, Россия

Доцент кафедры «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

Кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: msok71@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0566-9905>

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=439837

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/C-6980-2019>

Образный параллелизм как способ репрезентации символических значений дендронимов тополь и клён в языке русской поэзии XIX–XX веков

Аннотация. В статье рассматриваются семантические трансформации образного параллелизма как способа репрезентации символических значений дендронимов тополь и клён в языке русской поэзии XIX–XX веков. Образный параллелизм понимается автором как структура в контексте поэтического текста, включающая наименования деревьев как предметов символизации и абстрактные понятия как символические образы.

В результате проведенного исследования определены две основные схемы формирования символических значений в рамках образного параллелизма: (1) зелёное дерево (как образ идеального пейзажа) – бессмертие (жизнь) – скоротечность и бренность человеческой жизни; (2) увядшие (оппадающие) листья – увядание дерева – скоротечность молодости лирического героя.

Хронологический анализ поэтических контекстов XIX–XX веков позволил выявить семантические трансформации данных схем образного параллелизма: тополь как элемент идеального пейзажа – жизнь – скоротечность человеческой жизни; увядшие (оппадающие) листья клёна и тополя – увядание дерева (листьев) – скоротечность жизни лирического героя; опадающие царственные листья – увядание дерева – гибель царской Российской империи; клён надмогильный – уединение, покров для влюбленных – продолжение жизни; тополь – полнота жизни – счастье и гармония лирического героя; тополь – мирная жизнь – война, несущая смерть.

Установлены семантические механизмы формирования символических значений в рамках образного параллелизма: метонимия по схеме переноса признаков – явление; антропоморфная общепозитическая метафора дерево – человек; индивидуальные метафоры.

Доказано, что символические значения «тополь/клён – скоротечность жизни», «тополь/клён – бессмертие», репрезентируемые формулами образного параллелизма в русской поэзии, восходят к мифопоэтической образности и народно-поэтическому параллелизму.

Выявлено, что продуктивность образного параллелизма в репрезентации символических значений дендронимов тополь и клён связана с психологизацией русского поэтического пейзажа.

Ключевые слова: русская поэзия; дендронимы; образный параллелизм; психологический параллелизм; символ; тропы; поэтический образ

Введение (актуальность)

При рассмотрении символа в парадигме лингвистических знаний исследователи определяют его как знаковую структуру, в которой через конкретное понятие выражается абстрактное явление [1–3]. Среди семантических механизмов формирования символического значения лингвисты традиционно выделяют метонимию, метафору и гипер-гипонимические отношения [3–5]. Между тем в работах по исторической поэтике [6], фольклористике [7; 8] и литературоведению [9; 10] отмечалась значимость образного (психологического) параллелизма как приёма построения символов в народно-песенном творчестве и в художественной литературе. Однако с точки зрения лингвистической семантики данный механизм развития символических значений не становился предметом изучения, что и определяет актуальность настоящего исследования.

С позиций исторической поэтики образный (психологический) параллелизм трактуется как анимистическое сопоставление, основанное на сходстве действия, предметов или качеств. Например, в народно-поэтическом творчестве известны формулы параллелизма: *вишня склоняется = девушка кланяется, зелёный = молодой, явор = козак, дерево развернулось = развернулись мысли* [6, с. 113]. А.Н. Веселовский отличает образный (психологический) параллелизм от отождествления жизни человека и природы, реализованного в мифологических образах, и от сравнения, предполагающего разделение сравниваемых предметов [6, с. 100].

В современной научной литературе данный термин определяется как сопоставление событий человеческой жизни и эмоциональных состояний человека с состояниями и явлениями природы [11]. Наряду с узкой трактовкой образного (психологического) параллелизма как композиционного приёма, основанного на лексико-синтаксическом параллелизме, существует более широкое понимание его в качестве «иносказательного выражения мысли в тексте», «способа реализации основных концептов народной культуры» [12, с. 135].

Предметом рассмотрения в предлагаемой статье является образный параллелизм как структура в контексте поэтического текста, включающая наименования деревьев как предметов символизации и абстрактные понятия как символические образы (символические значения), например: «тополь/клён – скоротечность жизни», «тополь/клён – бессмертие». Данная работа является частью диссертационного исследования образных полей дендронимов в русской поэзии XIX–XX веков.

Цель статьи – выявить семантические трансформации образного параллелизма как способа репрезентации символических значений дендронимов *тополь* и *клён* в языке русской поэзии XIX–XX веков в хронологическом аспекте.

Методология

Материалом для исследования послужили 516 поэтических контекстов XIX–XX веков, включающих образные параллели (ассоциативные соответствия) «тополь/клён – скоротечность жизни», «тополь/клён – бессмертие». Источником анализируемого материала стал поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка¹.

Новизна проведенного исследования определяется тем, что в нем выявляются схемы образного параллелизма, по которым формируются символические значения дендронимов, и представлен хронологический анализ семантической трансформации данных значений.

Результаты

По нашим наблюдениям, рассматриваемые символические значения «тополь/клён – скоротечность жизни», «тополь/клён – бессмертие», репрезентируемые формулами образного параллелизма в русской поэзии, восходят к мифопоэтической образности и народнопоэтическому творчеству. Данный факт обуславливает культурно-стереотипный символический характер формул «дерево – жизнь», «дерево – смерть». Так, амбивалентность выражаемых формулой символических значений объясняется архетипическим образом мирового дерева, которое соединяло, согласно древним представлениям, мир мертвых и мир живых². Древнейшее отождествление дерева с жизнью и смертью человека обнаруживается в результатах этимологического анализа некоторых наименований деревьев, например: и.-е. **der* «дерево», но нем. *s-ter-ben* «умереть»³ и др.

Следы данного отождествления встречаем во многих мифах, в которых люди превращаются в деревья после своей смерти и в новых формах продолжают свою жизнь, а также в обрядовой практике и поверьях. В частности, можно вспомнить мифы о Кипарисе, Нарциссе, Гиацинте, о сестрах Фаэтона, о Дафне [6, с. 105], о Левке, после смерти принявшей облик тополя, который стал символом страны мертвых в античной мифологии⁴. А.Н. Веселовский приводит примеры широко распространенных в народно-песенном творчестве и поверьях разных народов сюжетов о деревьях, выросших на могилах мужа и жены или влюбленных [6, с. 105].

Устойчивые символические значения закрепились у многих народов за образами сухой, увядающей листвы как символом смерти и зеленой листвы, символизирующей жизнь и расцветание для любви. К примеру, в славянской народной поэзии появились формулы параллелизма «дерево зеленеет = молодец – девушка распускаются для любви», «дерево сохнет = человек хиреет». При этом в рамках параллелизма народной песни одно дерево могло заменяться другим, так как параллелизм основывался преимущественно «на сходстве действия, при котором подлежащие могли меняться» [6, с.114]. Следовательно, данные символические значения связаны с гиперонимом дерева в целом, лишь немногие наименования деревьев сохранили соответствующий устойчивый смысл: ель – похоронное дерево в мифологии ряда

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.11.2019). Все примеры поэтических фрагментов приводятся по данному источнику.

² Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1: А–К / гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд., репр. изд. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 671 с.

³ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманитар. изд. центр "ВЛАДОС", 1996. 416 с.

⁴ Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: «Большая Рос. энциклопедия», 1982. С. 313.

народов [13], в русских обрядовых практиках [14], кипарис – погребальный траур, тополь – символ мрака, горя и слёз в европейской культуре⁵.

Говоря о тополе и клёне в русской поэзии XIX–XX веков, следует отметить, что в результате комплексного исследования синтагматической сочетаемости и образных полей дендронимов нами выявлены следующие семантические признаки, актуализирующие рассматриваемые символические значения: смерть – ‘осыпаться’, ‘безжизненный’, ‘сухой’, ‘кладбищенский’, ‘надмогильный’, ‘облезлый’, ‘заледеневший’; жизнь – ‘зелёный’, ‘шелестеть’, ‘шуметь’, ‘нетленный’ [15; 16].

Перечисленные семантические признаки актуализируются в поэтических контекстах как на синтагматическом и метафорическом уровнях, так и посредством приёма образного параллелизма, который становится доминирующим в реализации рассматриваемых символических значений у дендронимов *тополь* и *клён*.

Непосредственно семантику смерти *тополь* и *клён* на синтагматическом уровне выражают посредством предложно-падежных сочетаний и прилагательных со значением «место произрастания»: *из земли могильной, над могилой, на погосте, надмогильный* и др. (*Над могилой серебристой / Тополью шуметь* (И.З. Суриков. У могилы матери. 1865–1866); *Полвека ты лежишь на родовом погосте, / Где за оградами рассыпались кресты, / Где клёны древние влелись корнями в кости* (Б.А. Садовской. Прадед. 1910).

Косвенным образом данная семантика имплицитно выражена тропами: «тополь – мифические, вымершие животные» (*Скелеты чудищ допотопных, / Шестисотлетних тополей, / Стоят толпой скалоподобной, / Костей обветренных белей* (В.Т. Шаламов. Наверх. 1937–1956); «тополь – реалии смерти» (*И в гробу стеклянном между серых статуй, / Вялой грудой бурых листьев клёна – / Внутренности, ссохшиеся в комья* (И.В. Чиннов. Сад султанов, летний вечер сонный. 1973).

Однако наиболее ярко рассматриваемые символические значения лексем *тополь* и *клён* выражаются в поэтических контекстах, содержащих соотношение двух образов: лирического героя и зелёного дерева, опадающего дерева (сухих, увядающих листьев). Это объясняется, на наш взгляд, тем, что в подобных контекстах максимально проявляется психологизация пейзажа в русской поэзии XIX–XX веков. Под психологизацией пейзажа исследователи понимают его субъективизацию, то есть представление пейзажа как состояния души лирического героя [9, с. 134–135].

Как показывает анализируемый материал, в рамках образного параллелизма символические значения в поэтических контекстах формируются по двум образным параллелям:

1. зелёное дерево (как образ идеального пейзажа) – бессмертие (жизнь) – скоротечность и бренность человеческой жизни;
2. увядшие (опадающие) листья – увядание дерева – скоротечность молодости лирического героя.

Представим далее в хронологическом аспекте, какие семантические трансформации символических значений дендронимов *тополь* и *клён* произошли в русской поэзии XIX–XX веков в рамках образного параллелизма.

В первой половине XIX в., а также в начале XX в. тополь изображается как элемент идеального пейзажа (*зелёный, шелестит, шумит, даёт тень и прохладу* и т. д.) и, символизируя

⁵ Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1: А–К / гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд., репр. изд. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 327.

жизнь, противопоставляется скоротечности человеческой жизни: *У берега насажу лесок уединенный, / И липу свежую и тополь осребренный; / В тени их отдохнет мой правнук молодой; / Там дружба некогда сокроет пепел мой* (Е.А. Баратынский. Родина. 1821); *Пускай мой прах в стране немилой / Сокроет хладная земля, – / Над здешней вечною могилой / Нетленны Ваши тополя* (Муни (С.В. Киссин) «Пускай мой прах в стране немилой...». 1903) и др.

Во второй половине XIX века, а также в 20-е и 60-е гг. XX века актуализируется следующее символическое значение: увядшие (оппадающие) листья – увядание дерева (листьев) – скоротечность жизни лирического героя: *Иль я не с вами таю, дни? / Не вяну с листьями на клёнах? / Иль не мои умрут огни / В слезах кристаллов растопленных?* (И.Ф. Анненский. «Когда б не смерть, а забытьё...». 1880–1909); *Все мы, все мы в этом мире тленны, / Тихо льется с клёнов листьев медь...* (С.А. Есенин «Не жалею, не зову, не плачу...». 1921); *Тополей и засохших орешин, / Видно, тоже судьба не проста. / Ну, а я-то не лист, не безгрешен, / Но, быть может, я лучше листа? / Знал я горе, стремление к благу, / Муки совести, жгучий позор... / Неужели вот так же я лягу – / Пепел осени, лагерный сор?* (С.И. Липкин. Пепел. 1956).

В 20–30-е гг. XX века появляется индивидуально-авторская интерпретация культурно-стереотипного символа «увядшие (оппадающие) листья – увядание дерева (листьев) – смерть»: опадающие царственные листья – увядание дерева – гибель царской Российской империи: *В них было что-то царственное, в этих / Дубах и клёнах, так они спокойно / Свое роняли золото на землю, / Империя тогда уже клонилась / К ущербу, / Но безмолвие и холод / Ничем не нарушимые царили / В те годы там, в торжественных садах, / Чуть тронутых осенним увяданьем* (Г.А. Раевский «Ты помнишь ли как в царскосельском парке...». 1922–1936).

В 30–40-е гг. XX века дендроним клён реализует символическое значение ‘жизнь’ посредством следующей цепочки ассоциаций: клён надмогильный – уединение, покров для влюбленных – продолжение жизни: *Нам с тобою место, / Друг мой, на погосте, / Под зеленым холмиком / Чтоб лежали кости. / Тут же и скамейка, / Клён. / И солнце позднее, / Вдруг придут влюбленные, / Чтоб любить серьезнее* (А.Б. Мариенгоф. Есенину. 1939–1940).

В 40–50-е гг. XX века тополь в контексте идеального пейзажа, который актуализируется в данное время в русской поэзии, наделяется следующими символическими значениями:

- тополь – полнота жизни – счастье и гармония лирического героя: *В цвету серебристый тополь, / Центифолия, а за ней – / Вьющиеся розы, / Молочная трава. / Никогда я не был / Счастливей, чем тогда. / Вернуться туда невозможно / И рассказать нельзя, / Как был переполнен блаженством / Этот райский сад* (А.А. Тарковский. Белый день. 1942);
- тополь – мирная жизнь – война, несущая смерть: *Тишина деревни, / Тополя, поля / Вслушиваясь в слабый, / Нежный шум ветвей, / Поджидают бабы / Мертвых сыновей* (Г.В. Иванов «Каждой ночью грозы...». 1951).

Обратимся к семантическим механизмам формирования выявленных символических значений дендронимов тополь и клён в языке русской поэзии XIX–XX веков, репрезентированных с помощью образного параллелизма.

Во-первых, в основе данных символических значений находится метонимия, восходящая к традиции народно-поэтического параллелизма и мифопоэтической образности. Метонимический символ возникает путем переноса признака явления на явление в целом (признак – явление): *зелёное дерево (листья) – живое дерево – жизнь; опавшее дерево (сухие листья) – увядающее дерево – смерть*, ср.: [17].

Во-вторых, в структуру образного параллелизма включается антропоморфная общепозитическая метафора («эмоциональное олицетворение» [11]) – «дерево – человек»: растительные реалии наделяются свойствами и качествами человека, способностью действовать, мыслить и чувствовать как человек (*В них было что-то царственное, в этих / Дубах и клёнах* (Г.А. Раевский «Ты помнишь ли как в царскосельском парке...». 1922–1936); *Тополей и засохших орешин, / Видно, тоже судьба не проста* (С.И. Липкин. Пепел. 1956).

В-третьих, символические значения дендронимов формируются посредством индивидуальных метафор, выделяемых в контексте образного параллелизма: *тополь – мирная жизнь – война, несущая смерть; опадающие царственные листья – увядание дерева – гибель Российской Империи*.

Выводы

Таким образом, в русской лирике XIX–XX веков наиболее продуктивным в репрезентации символических значений дендронимов *тополь* и *клён* становится приём образного параллелизма, что объясняется психологизацией поэтического пейзажа.

В результате анализа соответствующих поэтических контекстов выявлены две основные схемы, в соответствии с которыми формируются рассматриваемые символические значения в рамках образного параллелизма: (1) зелёное дерево (как образ идеального пейзажа) – бессмертие (жизнь) – скоротечность и бренность человеческой жизни; (2) увядшие (опадающие) листья – увядание дерева – скоротечность молодости лирического героя.

Динамика функционирования выявленных символических значений предполагает следующие семантические трансформации названных схем образного параллелизма: тополь как элемент идеального пейзажа – жизнь – скоротечность человеческой жизни (первая половина XIX в., начало XX в.); увядшие (опадающие) листья клёна и тополя – увядание дерева (листьев) – скоротечность жизни лирического героя (вторая половина XIX в., а также 20-е и 60-е гг. XX в.); опадающие царственные листья – увядание дерева – гибель царской Российской империи (20–30-е гг. XX в.); клён надмогильный – уединение, покров для влюбленных – продолжение жизни (30–40-е гг. XX в.); тополь – полнота жизни – счастье и гармония лирического героя; тополь – мирная жизнь – война, несущая смерть (40–50-е гг. XX в.).

Среди семантических механизмов формирования выявленных символических значений в рамках образного параллелизма выделяются метонимия, восходящая к традиции народно-поэтического параллелизма и мифопоэтической образности, антропоморфная общепозитическая метафора «дерево – человек», индивидуальные метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Образ (Опыт концептуального анализа) // Референция и проблемы текстообразования: сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т языкознания, Пробл. группа «Логич. анализ яз.»; Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. 238 с. С. 129.
2. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
3. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие по направлению «Филологическое образование». СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.

4. Тодоров Ц. Теории символов / Пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. 384 с.
5. Шелестюк Е.В. Семантика художественного образа и символа: на материале англоязычной поэзии XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 1998. 24 с.
6. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Вступ. ст. И.К. Горского; Комментар. В.В. Мочаловой. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
7. Доброва С.И. Эволюция художественных форм фольклора: в свете динамики народного мировосприятия: монография. Воронеж: ВГПУ, 2004. 175 с.
8. Хабибуллина А.З., Нагуманова Э.Ф. Психологический параллелизм в сопоставительном изучении русской и татарской народной лирики // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. №5. С.712–721.
9. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. школа, 1990. 303 с.
10. Локтевич Е.В. Трансформация параллелизма в лирике Зинаиды Гиппиус и Тётки (Алоизы Пашкевич) // Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2012. № 2. С. 11–15.
11. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: терминологический словарь-справочник. М.: УРСС, 2004. 247 с.
12. Ойроткинова Н.Р. Функциональная специфика образного параллелизма в алтайских пословицах // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 134–137.
13. Душечкина Е.В. Русская ёлка: История. Мифология. Литература. СПб.: Норинт, 2002. 414 с.
14. Пазынин В.В. Образы деревьев в русской народной лирике (к проблеме ассоциативного наполнения): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2005. 25 с.
15. Соколова М.Г. Развитие семантических признаков дендронима тополь в поэтическом языке XIX–XX веков // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т.8. № 1(26). С. 148–153.
16. Соколова М.Г. Устойчивые тропеические номинации дендронима клен в поэтическом языке XIX–XX веков // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С. 445–451.
17. Иванян Е.П., Кудлинская Стемпень Х., Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы): монография. М.: Флинта, 2013. 208 с.

Sokolova Marina Gennadyevna

Togliatti state university, Togliatti, Russia

E-mail: msok71@mail.ru

Figurative parallelism as a way of representing symbolic meanings of dendronims poplar and maple in the language of Russian poetry of the XIX–XX centuries

Abstract. The article deals with semantic transformations of figurative parallelism as a way of representing symbolic meanings of dendronims poplar and maple in the language of Russian poetry of the XIX–XX centuries. Figurative parallelism is understood by the author as a structure in the context of the poetic text, including the names of trees as objects of symbolization and abstract concepts as symbolic images.

As a result of the conducted research two main schemes of formation of symbolic meanings within figurative parallelism are defined: (1) a green tree (as an image of an ideal landscape) – immortality (life) – transience and frailty of human life; (2) withered (falling) leaves – withering of a tree – transience of youth of the lyrical hero.

A chronological analysis of the poetic contexts of the XIX–XX centuries allowed to reveal the semantic transformation of data schemas of figurative parallelism: poplar as an element of an ideal landscape – life – the transience of human life; wilted (deciduous) leaves of maple and poplar – wilting tree (leaf) – the transience of life lyric hero; the royal falling leaves – withering tree – the destruction of the Russian Empire; maple over the coffin – privacy cover for lovers – the continuation of life; topol – fullness of life – happiness and harmony of the lyric hero; topol – civilian life – war.

Semantic mechanisms of symbolic meanings formation within the framework of figurative parallelism are established: metonymy according to the transfer scheme "sign-phenomenon"; anthropomorphic general poetic metaphor "tree – man"; individual metaphors.

It is proved that the symbolic meanings "poplar/maple – transience of life", "poplar/maple – immortality", represented by the formulas of figurative parallelism in Russian poetry, go back to mythopoetic imagery and folk poetic parallelism.

It is revealed that the productivity of figurative parallelism in the representation of symbolic meanings of dendronims poplar and maple is associated with the psychologization of the Russian poetic landscape.

Keywords: Russian poetry; dendronims; figurative parallelism; psychological parallelism; symbol; tropes; poetic image

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. (1988). *Obraz (Opyt kontseptual'nogo analiza) // Referentsiya i problemy tekstoobrazovaniya. [Image (Experience in conceptual analysis) // Reference and problems of text formation.]* Moscow: Science, p. 238, p. 129.
2. Moskvina V.P. (2006). *Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoy teorii. [Russian metaphor: Essay on semiotic theory.]* Moscow: LANDAND, p. 184.
3. Nikitin M.V. (2007). *Kurs lingvisticheskoy semantiki: uchebnoe posobie po napravleniyu «Filologicheskoe obrazovanie». [The course of linguistic semantics: a manual in the direction of "Philological education".]* Saint Petersburg: Publishing House of Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, p. 819.

4. Todorov Ts. (1999). *Symbol Theories*. [Russ. ed.: Teorii simvolov. Authorized transl. by B. Narumova. Moscow: Intellectual Book House, p. 384].
5. Shelestyuk E.V. (1998). Semantika khudozhestvennogo obraza i simvola: na materiale angloyazychnoy poehzii XX veka. [*Semantics of the artistic image and symbol: based on the material of English poetry of the XX century.*] Moscow: Moscow State Pedagogical University, p. 24.
6. Veselovskiy A.N., Gorskogo I.K., Mochalovoy V.V. (1989). Istoricheskaya poehtika. [*Historical poetics.*] Moscow: Higher school, p. 404.
7. Dobrova S.I. (2004). Ehvolutsiya khudozhestvennykh form fol'klora: v svete dinamiki narodnogo mirovospriyatiya: monografiya. [*The evolution of the artistic forms of folklore: in the light of the dynamics of the people's worldview: monograph.*] Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, p. 175.
8. Khabibullina A.Z., Nagumanova Eh.F. (2017). Psychological parallelism in the comparative study of Russian and Tatar folk lyrics. *Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"*, 5, pp. 712–721 (in Russian).
9. Ehpshteyn M.N. (1990). «Priroda, mir, taynik vselennoy...»: Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poehzii. [*"Nature, the world, the cache of the universe ...": A system of landscape images in Russian poetry.*] Moscow: Higher school, p. 303.
10. Loktevich E.V. (2012). Transformation of parallelism in the lyrics Zinaida Gippius and aunt (Aloysius Pashkevich). *Bulletin of the Belarusian State University. Series 4. Philology. Journalism. Pedagogy*, 2, pp. 11–15 (in Russian).
11. Moskvina V.P. (2004). Vyrazitel'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi: tropy i figury. [*Expressive means of modern Russian speech: trails and figures.*] Moscow: URSS, p. 247.
12. Oynotkinova N.R. (2008). Functional specificity of figurative parallelism in Altai proverbs. *Humanities in Siberia*, 4, pp. 134–137 (in Russian).
13. Dushechkina E.V. (2002). Russkaya yolka: Istoriya. Mifologiya. Literatura. [*Russian Christmas tree: History. Mythology. Literature.*] Saint Petersburg: Norint, p. 414.
14. Pazynin V.V. (2005). Obrazy derev'ev v russkoy narodnoy lirike (k probleme assotsiativnogo napolneniya). [*Images of trees in Russian folk lyrics (to the problem of associative filling).*] Moscow: Moscow State University named after M.V. Lomonosov, p. 25.
15. Sokolova M.G. (2019). The development of the semantic features of the dendronym poplar in the poetic language of the 19th–20th centuries. *Baltic Humanitarian Journal*, 1(8), pp. 148–153 (in Russian).
16. Sokolova M.G. (2019). Ustoychivye tropeicheskie nominatsii dendronima klen v poehticheskom yazyke XIX–XX vekov. [*Sustainable tropic nominations of maple dendronym in the poetic language of the 19th–20th centuries.*] Yelets: Yelets State University named after I.A. Bunina, pp. 445–451.
17. Ivanyan E.P., Kudlinskaya Stempen' Kh., Nikitina I.N. (2013). Bytovye ehvfemizmy v russkom, pol'skom i angliyskom yazykakh (na materiale ehvfemizmov tualetnoy temy). [*Household euphemisms in Russian, Polish and English (based on toilet euphemisms).*] Moscow: Flint, p. 208.